

У Чжун Цзяньго разболелась голова: еще вчера мальчишка не признавал ее своей матерью, а сегодня относится к мачехе как к родной, дети нынче такие непостоянные.

— Не смотри на маму, она внизу, убирает дрова, ей нужно принять ванну. Она не сможет подняться какое-то время.

— Папа, ты собираешься меня побить? — спросил Дава, подняв голову. — Даже моя мачеха не била меня.

Чжун Цзяньго развеселился:

— Значит, я снова стал отчимом? Дава, не говори всегда об том, что я стал отчимом. Вы оба были виноваты сегодня, поэтому оба поразмышляйте о поведении.

Около половины десятого Сун Чжаоди поднялась наверх и увидела Даву и Эрву, стоящих у стены. Чжун Цзяньго держал Санву на коленях и сидел на стуле с видом строгого отца.

— Что вы делаете?

— Папа сказал, что мы ошиблись, — ответил Дава. — Но мы не поняли, где ошиблись. Папа сказал стоять и не спать, пока не пойдем.

У Сун Чжаоди не было часов, но она знала, как долго она обычно моется, и уверенно спросила:

— Долго стоите?

— Час и пять минут, — сказал Чжун Цзяньго. — Ты иди спать, а я за ними присмотрю.

— Присмотришь за ними? — фыркнула Сун Чжаоди. — Одному пять лет, другому три, и ты просишь двух детей такого возраста поразмышлять? Чжун Цзяньго, спроси их обоих, знают ли они, что такое самоанализ.

— А что это? — бессознательно спросил Чжун Дава.

Чжун Цзяньго тяжело вздохнул.

— Пойдѐмте, я расскажу вам обоим. — Передав младшего ребенка Сун Чжаоди, он сказал: — Возвращайся в свою комнату и ложись спать.

— Не нужно напоминать мне об этом, — и Сун Чжаоди намекнула: — Дава и Эрва — твои родные сыновья, а не чужие.

— Я знаю, как воспитывать своих детей, — взглянул на девушку Чжун Цзяньго.

Сун Чжаоди почувствовала себя неловко. Не то чтобы она не доверяла Чжун Цзяньго, но родители в ту эпоху твердо верили, что сыновнее благочестие рождается под палкой. Однако в присутствии детей не стоит вступать в конфронтацию с Чжун Цзяньго, поэтому она закрыла дверь и прислушалась, что говорит Чжун Цзяньго.

Через некоторое время Сун Чжаоди поняла, что Чжун Цзяньго не проявляет никаких действий, поэтому опустила москитную сетку и, обняв Санву, уснула.

На следующий день Сун Чжаоди открыла глаза и услышала глухой треск за окном. Она поспешно открыла ставни, в лицо ей хлестнул прохладный ветерок, и девушка глубоко вздохнула.

Надев черные брюки и серую рубашку с длинными рукавами, Сун Чжаоди прошла в гостиную, увидела, что часы на стене показывают семь, и торопливо спустилась вниз.

Чжун Цзяньго был на кухне, и глаза Сун Чжаоди загорелись:

— Ты умеешь готовить?

— Нет, — Чжун Цзяньго был предельно честен. — Вчера я посмотрел, как ты варила рисовую кашу, и сварил такую же. На плите осталось еще полкастрюли утки, утром съешьте паровые булочки с уткой.

— Такая жирная еда с утра пораньше вредна для детей, — разочарованно произнесла Сун Чжаоди. — Я что-нибудь приготовлю.

Сун Чжаоди сначала подумала, что двух огурцов из четырех, которые дала невестка Дуань, будет достаточно. Краем глаза она заметила, как Чжун Цзяньго, крепкий мужчина, пытается уместиться на маленькой скамеечке, не зная, куда девать ноги, и разбила еще два яйца, намереваясь вдобавок к битым огурцам приготовить жареные огурцы.

Через пять минут оба блюда были на столе. Хотя Чжун Цзяньго был раздражен из-за того, что Сун Чжаоди время от времени угрожала ему детьми, он должен был признать, что с точки зрения приготовления пищи две Бай Хуа не могли сравниться с одной Сун Чжаоди.

После завтрака Сун Чжаоди увидела, что дождь не собирается прекращаться. Даже если у нее не было никаких чувств к Чжун Цзяньго, она не могла не волноваться:

— Как ты доберешься до лагеря?

— Сяо Ли заедет за мной на машине, — Чжун Цзяньго, увидев, что его старший и второй сыновья почти рухнули на деревянные стулья, слегка нахмурился. — Встаньте и прогуляйтесь, когда наелись досыта.

— Боишься, что у них двоих от еды живот заболит? — рассмеялась Сун Чжаоди. — Дава и Эрва такие худенькие, от такой ежедневной еды каждый день даже в течение половины месяца у них не появится животик.

— Ты слышал? Папа! — Дава посмотрел на отца и, сняв ботинки, забрался на скамейку. — А это что?

Чжун Цзяньго посмотрел на часы, прикинул, что сяо Ли приедет еще не скоро, и сел рядом с сыном:

— Где?

— Смотри, — Дава указал на свое колено. — Котенок, папа.

Чжун Цзяньго присмотрелся и увидел очертания кошки на коленке старшего ребенка. Не раздумывая, он спросил Сун Чжаоди:

— Ты это вышила?

— Мне показалось, что заплатка слишком уродлива, поэтому я вырезала кошачий силуэт из лоскутка ткани и пришила его. Не подходит?

— Подходит, подходит, — первым отозвался Дава. — Вышила вчера, да?

— Вчера днем я вышила уточек.

В прошлой жизни Сун Чжаоди постоянно шила одежду, и наклеить несколько маленьких зверушек на одежду было гораздо проще, чем переделывать одежду для моделей перед началом мероприятия:

— Эрва, у тебя тоже есть маленькие цыплята и утята на одежде, так что тебе не нужно завидовать своему брату.

Глаза Эрвы загорелись:

— Правда?

— Конечно, — Сун Чжаоди посмотрел на Чжун Цзяньго и со значением сказала: — Я никогда не лгу.

Эрва бросился в объятия Чжун Цзяньго:

— Папа...

— Хочешь переодеться в одежду с маленькими зверятами? — ответил Чжун Цзяньго. — Просто носи эту, а завтра сменишь. В дождливый день трудно сушить белье, а когда одежда закончится, тебе придется ходить с голой задницей.

— Верхняя часть плиты забита пеленками твоего младшего брата, там нет места для сушки белья, — согласилась Сун Чжаоди.

Эрва была разочарован, но поскольку он не хотел ходить голым, то просто обессиленно сполз поближе к старшему брату и протянул руку, чтобы погладить котенка-заплатку на его колене.

— У тебя столько хитростей в рукаве, — повернулся к Сун Чжаоди Чжун Цзяньго.

— Я еще ни одну не использовала, — подняла бровь девушка.

— Лучше и не надо.

Чжун Цзяньго не хотел признавать поражение, но Сун Чжаоди была умна и не следовала здравому смыслу, поэтому Чжун Цзяньго не хотел с ней спорить.

— К счастью, ты все еще главный, — фыркнула Сун Чжаоди.

Чжун Цзяньго смутно услышал звук машины:

— Наверное, это сяо Ли едет.

Помяни черта, он и появится.

Чжун Цзяньго только успел раскрыть зонт, как в дверях появился сяо Ли:

— Капитан, телеграмма из дома.

— Телеграмма? — Чжун Цзяньго поспешно опустил зонтик. — От кого?

Повернувшись к Сун Чжаоди, он скрипнул зубами:

— Тебе действительно нужно было затронуть запретную тему?

— От твоей мачехи? — быстро встала Сун Чжаоди.

— От старшего брата, — Чжун Цзяньго открыл телеграмму. — Старший брат сказал, что мачеха спрашивала его, когда я вернусь за тремя детьми и когда женюсь на тебе. Он спросил, что ему ответить.

— Твой старший брат еще не рассказал моей двоюродной тете?

— Давай поговорим об этом позже, — ответил Чжун Цзяньго. — Я отлучусь, чтобы купить продукты и привезу их вечером, когда вернусь. А ты никуда не выходи.

— Поезжай медленно, — легко кивнула Сун Чжаоди.

Проводив Чжун Цзяньго, она заперла дверь изнутри и, войдя в гостиную, спросила:

— Дава, есть ли здесь родственники твоей бабушки?

— Родственники моей бабушки? — похлопал глазами Дава. — Дядя и тетя по маме?

— Другие дяди, свояки и тети, друзья твоей матери, одноклассники, кто угодно, есть ли на этом острове кто-нибудь, кто знает твою мать и твою бабушку?

— Почему ты об этом спрашиваешь? — Дава насторожился, мгновенно превратившись в маленького ежика.